

Тайны рождества

В году бывают моменты, когда в нашей уставшей душе вновь пробуждается особая, хорошо знакомая ностальгия: да, мы повзрослели, и даже немного состарились, но где-то глубоко внутри нас все еще живет маленький, одинокий и трогательный ребенок, тоскующий по волшебству. Этот ребенок вдруг просыпается в нашем сердце, и нам, серьезным людям, которым все некогда да некогда, с грустью заявляет, что он соскучился, что ему очень и очень хочется чего-то светлого, искреннего и доброго.

Бывают моменты в году, когда любой, даже самый прагматичный и самый реалистичный из людей готов отдать все на свете, чтобы в его жизни произошло что-то сказочное и волшебное, чтобы случилось хотя бы одно, малюсенькое чудо...

Эта тоска по волшебству, спрятанная глубоко в сердце каждого из нас, особенно сильно начинает звучать в преддверии любимых нами праздников. Согласитесь, достаточно одного только упоминания — Новый год, Рождество... — и уже веет надеждами, трепетным ожиданием, сказкой, предвкушением чего-то радостного, светлого и чистого...

В это время нас часто посещают детские воспоминания. Помню как сильно я расстроилась, когда «уличила в преступлении» своих родителей, увидев, что это не Дед Мороз и Снегурочка дарят мне подарки, а они... Я долго отказывалась верить этому, не спала ночами, все ждала и ждала... Вскикивала из постели на каждый шум в надежде, что вот-вот все засверкает звездочками и зазвонит бубенцами, и я увижу настоящих Деда Мороза, Снегурочку, гномиков и фей, их сопровождающих, которые придут ко мне потому, что я ребенок и в них верю, и о которых мои родители знать не знают, потому что они взрослые и в них не верят... В моих детских воспоминаниях о Новом годе и Рождестве меньше всего осталось конкретных подарков, игр и елочных украшений, а больше всего — впечатлений о моих попытках удержать волшебство любой ценной. Помню, с каким трепетом я рассматривала сказочные образы на новогодних открытках и в книжках, с каким вдохновением перечитывала свои любимые новогодние сказки, представляя, как вдруг весь этот волшебный мир

оживает перед моими глазами. Однажды в преддверии Рождества, перечитав заново библейскую рождественскую сказку о маленьком мальчике-Спасителе, родившемся в конюшне, над которой загорелась яркая звезда, а ее узнали Цари-Волхвы и, следуя за ней, совершили длинное путешествие, чтобы найти Спасителя и поклониться ему, — Помню, как ночи напролет я сидела у окна и смотрела на небо — а вдруг звезда вновь загорится!

О своих детских воспоминаниях я рассказываю вовсе не случайно: могу заверить вас, что, став взрослым и вполне «серьезным» человеком, я чуть было не поверила, что все мои детские мечты о волшебстве были лишь очаровательной фантазией. И смирилась бы с констатацией, что в суровых жизненных реалиях сказки не бывает, — если бы не мое увлечение Философией. Долгие годы изучая философию, традиции и мудрость древних народов и цивилизаций, я лишней раз убедилась в том, что всем нам стоит больше доверять детской интуиции и детским грезам, ибо, как ни странно, они находят свое подтверждение в Мудрости Поколений...

Познания всех народов древности основываются на констатации одной важной и простой истины: все в Природе и во Вселенной, начиная с самой большой галактики и кончая самой маленькой снежинкой, живущей всего лишь миг, имеет свое «почему» и «ради чего». Все имеет свой СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ, во всем отражаются некий таинственный «Божественный Промысел» и универсальные Законы существования. Свой сокровенный смысл имеет также и судьба человека, и человек может открыть свое предназначение и смысл жизни, если поймет, что в нем в равной мере играют роль как законы и явления, происходящие в Природе и Вселенной, так и его собственные усилия и достоинства. Для народов древности свой сокровенный смысл имели также и великие традиционные праздники, которые отмечались в точно определенное время года или в конце более длительного цикла времени и в начале нового. Они считались священными, потому что связывались с понятием «Священного Времени», когда в Природе происходили явления, которые тем или иным образом отражались на жизни человека и при определенных условиях могли сыграть важную роль в его судьбе — если человек сумеет открыть их смысл и действовать в соответствии с ними.

Именно поэтому это «Священное Время» все древние народы описывали еще и как момент оплодотворения, зачатия, когда Природа и человек получали своего рода новую божественную энергию, силу и вдохновение, для того чтобы начать новый этап своей жизни. Великие праздники, сопровождающие сокровенные явления в Природе, считались моментами божественного благословения и поэтому отмечались особыми торжествами и обрядами.

Все великие цивилизации древности — Египет, Греция, Рим, Индия, Тибет, Китай, Япония, славяне, народы древней Америки и многие другие отмечали в качестве самых важных и священных праздников четыре основных точки года: весеннее и осеннее равноденствия (21.03 и 23.09) и летнее и зимнее солнцестояния (21.06 и 21.12). Их называли Дверями Людей и Дверями Богов: считалось, что в эти особые промежутки времени открываются двери между Небом и Землей и исчезает граница между миром видимым и миром сокровенным, миром людей и миром богов. За один короткий «священный миг» есть возможность увидеть «мир истины», в котором все вещи и явления, боги и люди предстают в истинном свете. За один короткий «священный миг» есть возможность почувствовать хотя бы маленькую толику необъятного и сокровенного смысла жизни, в том числе своей собственной судьбы и предназначения.

Все древние народы находили особый, глубокий смысл в «священном периоде» зимнего солнцестояния. Сама Природа помогает нам приоткрыть вуаль, скрывающую ее тайны. Зимнее солнцестояние — это самая долгая ночь и самый короткий день. Но один только миг — и ночь начинает убывать, а день расти, словно хрупкая сила света и жизни начинает торжествовать над тьмою и смертью, пробивая дорогу к весне, которая непременно наступит. Это сердце зимы — везде лед, паралич, сон, похожий на смерть. Кажется, что замерло, застыло и оледенело и что-то в сердцах людей. Но, согласно древней мудрости, именно в этом состоит не только вся суть таинства зимнего солнцестояния, но и сокровенный смысл чуда возрождения: в сердце Зимы рождается хрупкая новая жизнь, пробивающая дорогу к Весне. В самой глубокой тьме рождается Свет! В сердца людей, скованные льдом и «параличом», проникает загадочный свет, благословение с Неба, несущее облегчение, надежду, спасение...

А может быть, вовсе не случайно, что во многих древних религиях и традициях мира именно в период зимнего солнцестояния происходило таинство рождения Мессии — Спасителя, появление на свет любимого божества, символизирующего свет, или возвращение на землю предков и героев. Изначально в этот же период первые христиане отмечали Рождество Христово, а древние римляне — свой «Сол Инвиктус», рождение «молодого, непобедимого Солнца». В эти же дни в Индии отмечалось рождение Агни — божества огня и света, а в Египте — великий праздник «Кхояк», «Праздник прорастающего Озириса», символизирующего импульс новой жизни для всей страны. В Японии и Китае период зимнего солнцестояния считался священным, ибо через «открытые двери Неба» к людям могли спуститься души их благородных предков, чтобы наставить их и благословить на новый этап.

Но даже если не углубляться в богатую теологическую символику древних мировых религий и традиций, которые именно зимнее солнцестояние считают благословенным мигом рождения божественного света, достаточно вспомнить одно сокровенное таинство этого периода, о котором говорили практически все. Это таинство не только содержит великую истину — а она состоит в том, что Чудо Рождества происходит для всех и открывается всем, какой бы религии, культуре, народу, времени и эпохе ты ни принадлежал, — но оно также реабилитирует грезы всех детей мира. Для меня это было настоящим откровением; оно вернуло все мои детские мечты о волшебстве и, как ни странно, помогло мне, серьезному, взрослому человеку, испытавшему в жизни и радости и горе, и трудности и разочарования, вновь поверить в реальность сказки...

В преддверии Рождества я всегда вспоминаю слова Сент-Экзюпери из книги «Маленький Принц»: «Зорко одно лишь Сердце. Самого главного глазами не увидишь...» Многие древние народы посвящали период зимнего солнцестояния именно Сердцу. Некоторые даже называли его «Праздником Сердца», так как считали, что в этом коротком, но очень важном промежутке времени Природа открывает свои тайны сердцу человека. Зимнее солнцестояние — это время, когда открываются «глаза сердца», когда сердцу дается возможность увидеть и почувствовать то, что невозможно увидеть и почувствовать физически в остальные дни. Это время поистине благословенное, ибо мно-

гие наши таинственные грезы и потребности души, которые раньше казались слишком далекими и недосыгаемыми, открываются сердцу в новом, истинном свете. За одно лишь короткое мгновение они становятся близкими, родными и узнаваемыми, и сердцу тогда кажется, что во мраке зажглась безымянная звезда, что тьму пронизал луч света. Маленькая толика сокровенного смысла жизни и собственного предназначения, которая до этого была тайной, всего лишь за одно короткое мгновение может открыться нашему сердцу, если оно само готово раскрыться...

Именно в этих коротких мгновениях, когда Сердце вновь и по-другому начинает видеть, слышать и узнавать, когда оно, пусть ненадолго, становится по-настоящему счастливо и благодарит Небо за этот подарок, — именно в них заключено Чудо Рождества. С ними возвращается все волшебство наших детских грез — когда ты, словно маленький ребенок, ничего не просишь, ничего не требуешь, а просто радуешься чуду, которое скоро исчезнет, но лишь для того, чтобы ты знал, что оно есть «где-то там» и что когда-нибудь оно для тебя станет реальным и достижимым.

Для древних народов Европы время зимнего солнцестояния имело особый смысл еще и потому, что загадочным образом давало возможность предчувствовать будущее. Они называли его «Периодом Судеб» или «Временем, когда совершается Судьба».

Согласно европейским традициям, «Период Судеб» продолжался с 25 декабря до 7 января, двенадцать дней: шесть дней до Нового года и шесть дней после него. Считалось, что в течение этого времени с неба опускаются все мечты и руководящие идеи, которые будут направлять людей в следующем году. Двенадцать дней «Периода Судеб» назывались еще «временем для посева», потому что они символизировали 12 месяцев следующего года: каждый день соответствовал одному месяцу. Поэтому считалось очень важным весь этот период прожить достойно — почувствовать, уловить все те мечты и ценности, которые в следующем году будут для тебя руководящими. Ибо в «Периоде Судеб» сеется все то, что мы будем пожинать потом.

В древности говорили также, что за это время мы с вами ускоренным способом проживаем весь будущий год. Как проживешь этот период, так и будет. О чем мечтаешь, то и осуществится. Думаю, не стоит объяснять, почему в древности именно в эти дни люди

старались проявлять больше доброты, тепла и сострадания и меньше жить лишь только для «себя, любимого». Ибо они осознавали давно забытую истину: как проживет благословенное время солнцестояния тот, кто кому-то сделал добро, подарил лучик света, надежды, любви, радости, — таким и будет весь его год! Вот оно, волшебство Рождества!

В древности также говорили, что «Период Судеб» мы в чем-то становимся похожими на актеров в древнем театре, которые в рамках одной-единственной пьесы играли много разных ролей. Кажется, словно таинственная Судьба и наше собственное сердце просят нас поспешить и за это короткое время успеть сыграть побольше ролей. За шесть дней до и шесть дней после Нового года надо успеть испытать самые разнообразные, самые истинные чувства и состояния души: матери и отца, ребенка, любящего и любимого, друга, художника, музыканта и поэта, философа и ученого, мечтателя Дон Кихота или просто доброго человека, приносящего свет. Это очень важно, ибо от того, чем мы живем в эти дни, зависит и наше будущее — по крайней мере год.

Сам момент наступления Нового года в древних традициях народов Европы был своего рода нулевой точкой, точкой поворота. Он не принадлежал ни уходящему, ни наступающему циклу времени, а считался священным мигом, в котором совершалось вечное чудо возрождения и возобновления. Согласно легендам, именно в этот миг с неба опускались сокровенные дары Судьбы на весь следующий год, и это таинственное мгновение символизировалось двенадцатью звуками или ударами барабана: двенадцать даров Судьбы, двенадцать самых сокровенных грез поселялись в сердце, для того чтобы в наступающем цикле оно подсказало время и место для их осуществления.

В древности к этому моменту очень тщательно готовились: перед наступлением Нового года люди вспоминали все самое дорогое их сердцу, все свои самые прекрасные и самые несбыточные мечты. С каждым ударом они мысленно повторяли одну из них в надежде, что в этот священный миг Судьба их услышит и маленькое чудо совершится.

Центром, вокруг которого все собирались, чтобы встретить волшебный миг Нового года, всегда было вечнозеленое дерево (оттуда, кстати, и традиция новогодней елки). Оно символизировало все меч-

ты и надежды, которые никогда не умирают, которые никто и ничто не может уничтожить и отнять, если они находят приют в нашем сердце. Считалось что украшения на этом дереве — словно упавшие звезды, словно звезды, спустившиеся на Землю. Каждая звезда рассказывает об одной Мечте, одной Надежде, одной Тайне. В момент наступления Нового года, сразу после двенадцати ударов, на дереве зажигали заранее подготовленные огоньки — и волшебство упавших звезд и пробуждения сердца совершалось.

Вечнозеленое дерево никогда не украшалось только ради красоты. Украшения для него делались вместе, вручную, задолго до Нового года. Это были торжества, на которые собирались друзья, родные, близкие. Украшения для новогоднего дерева часто дарились друг другу «от сердца к сердцу», в залог счастья, дружбы, любви и верности. И все всегда старались, чтобы они символизировали мечты, надежды и те самые светлые пожелания, которые можно было бы подарить не себе, а другому человеку в момент прихода Нового года.

Есть один трогательный урок любви и сострадания ко всему живому, преподанный нам в далеком прошлом. В древности для новогодних торжеств никогда не рубили живые деревья! Справедливо считалось, что не может быть надежды на счастье, созданной на страдании или смерти какого-то живого существа. Всегда наряжалось живое дерево в лесу или рядом с домом. В доме для праздника ставилось изображение вечнозеленого дерева или что-то, что его символизировало, и оно точно так же наряжалось!

...Пока я писала эту статью и пыталась, как могла, передать вам древние знания о сокровенном смысле зимнего солнцестояния, «Периода Судеб» и священного мига наступления Нового года, я сама для себя вновь открыла то, что, казалось, уже давно знала: Рождество — это не день, не час, не время года, даже не религиозный праздник... Тайна Рождества в том, что это на самом деле состояние Души и Сердца: оно пробуждается в течение всего лишь одного счастливого и благословенного мгновения, но зато запоминается и остается с тобой навсегда.

Чудо Рождества — истинное, оно всегда было, есть и будет.

В таинственный миг пробуждения сердца тебе покажется, что нежная рука ребенка опустилась на твой усталый лоб и вместе с этим прикосновением из твоей души уходит вся накопленная грязь,

тяжесть, боль, для которой ты не находил ни утешения, ни исцеления... И ты почувствуешь такую чистоту и такое спокойствие души, какого давно не было, и такую силу начать все сначала, в которую давно перестал верить. Если тебя обидели — ты простишь, а если обидел ты сам — ты попросишь прощения. Если боишься — тебе уже ничего не будет страшно. Если ты одинок — поймешь, как сильно можешь любить. А если ты уже любишь — поймешь, что твоя любовь стала еще сильнее.

А если ты до сих пор не перестал верить в свои детские грезы, если до сих пор твоя Душа не перестала тосковать по волшебству, то в одну из благословенных ночей зимнего солнцестояния выйди на улицу и посмотри на небо. И если даже твои глаза ничего не увидят, то сердце точно почувствует, что на небе вновь загорелась яркая звезда... И как трогательно, до умиления и до слез, прозвучат тогда в душе слова любимой песни: «А в небе голубом горит одна звезда. Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда... Кто любит — тот любим, кто светел — тот и свят. Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад...»

А если в это мгновение ты вспомнишь о Царях-Волхвах и отправишься в дорогу, вслед за этой звездой, и если вдруг среди пустыни ты потеряешь ее, а потом вновь найдешь, то не забудь, пожалуйста, что в конце книги «Маленький Принц» есть одна просьба, к которой я хочу присоединиться:

«...Заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой. И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж конечно догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите, скажите, что он вернулся».

Я часто задаю себе вопрос: как выглядит мир сверху, с неба, глазами Бога, глазами ангелов? Так странно кажется, что с высоты мириад мерцающих небесных светил все, что происходит у нас на матушке-Земле, видится другими глазами, более чистыми, более светлыми. Вся наша человеческая мелочность, жадность, глупости и ужасы, которые мы творим, даже боль и страдание, видятся сверху как туман, дымовая завеса, застилающая настоящую, иную реальность. В этом тумане мерцают огоньки — они горят благодаря всему, что до сих пор живет в душах людей: их надеждам, стремлениям и грезам, их любви, доброте и состраданию, их жажде познания и справедливости, их потребности в свете, в чуде, в Боге.

Кажется, правы были мудрецы разных эпох, говорившие, что Бог и ангелы видят сверху только наши души и на них откликаются. Что многие вещи, которые для людей приобретают экзистенциальную важность, ради которых люди готовы перерезать друг другу горло, мягко говоря, совсем не имеют значения в глазах ангелов, живущих критериями Вечности. Но сколько вечно живущих ценностей, которые давно перестали быть востребованными в наше время, нашли бы отклик в душе Бога и вернули бы нам ангелов! Если бы мы только знали, как они этого хотят, как они этого ждут!..

Какой красивый вид на землю открывается сверху! Как красивы и трогательны души людей, увиденные глазами ангелов!.. Я вновь была потрясена этим, когда смотрела фильм «Небо над Берлином», обнажающий наш современный мир и души людей с их радостями, болью, растерянностью, сражениями и падениями, удачами и надеждами — все это увиденно глазами ангелов, наших невидимых спутников и хранителей. Не могу не поделиться одним фрагментом из второй части фильма — я постоянно возвращаюсь к нему, так как благодаря создателям ленты ангелы вновь заговорили и в моем сердце: «Вы, кого мы так любим, вы не видите нас, вы не слышите нас. Вы считаете, что мы от вас так далеко, а ведь мы так близко! Мы посланы, чтобы приблизить тех, кто вдали. Мы всего лишь посланцы, и послание наше — Любовь. Мы — ничто, вы для нас — Все. Позвольте нам жить в ваших глазах, смотрите на ваш мир через нас.

Верните себе с нашей помощью глаза, полные любви. Тогда мы будем близки к Нему, а вы — к нам».

Видели бы люди, как ангелы, никому не видимые, создают вместе с художниками прекрасные творения, нашептывают глубокие мысли писателям и стихи поэтам, играют на инструментах вместе с музыкантами и поют, присоединяясь к ангельским голосам певцов, выдели бы, как, сочиняя музыку вместе с композиторами, дают им услышать бжественную музыку небесных сфер. Если бы люди видели все это, то не создавали бы столько пошлости и не называли бы любую отсебятину искусством. Ведь для ангелов прекрасное, гармония, красота, музыка — это не просто форма творческого выражения, это их сущность, сама их душа, в этом вся их жизнь. Видели бы люди, как умирают ангелы, как задыхаются посреди грохота, шумов, какофонии, духовного и физического безобразия, которое создают люди, — сердце кровью облилось бы и десять тысяч раз подумали бы, прежде чем творить подобное.

Видели бы люди, как ангелы склоняются над головами ученых, изобретателей, как направляют их поиски и исследования, как подсказывают неординарные решения, как поощряют любую идею, которая может принести благо людям и миру, — если бы люди видели это, тогда не называли бы любые открытия гениальными, любые познания мудростью, любую идею и инициативу благом.

Видели бы вы, как трепетно ангелы ведут всех, кто искренне старается работать на благо человечества, кто жертвенно делает все возможное для того, чтобы люди стали лучше, добрее, мудрее, кто искренне и чисто ищет истину и стремится к ней, — если бы вы видели все это, то не называли бы любую экзотическую белиберду духовностью, любого политика «отцом народа», любые лозунги правдой.

Древние учения утверждают: все лучшее, что было совершено, открыто и создано человечеством на протяжении долгих тысячелетий, делалось сообща — люди и ангелы, ангелы и люди. Неслучайно народы, государства, города, выдающиеся люди очень трепетно относились к созданию флагов, штандартов, гербов, гимнов, эмблем, символики, государственной или личной, тщательно подбирали сочетание цветов, образов, слов и звуков. Ведь когда-то помнили, что за каждым флагом, гербом или символом стоит ангел-хранитель. Жаль, что ныне

обо всем этом позабыли! Будь все иначе, наверное, мы не чувствовали бы себя такими беспомощными.

Знали бы вы, как ангелы любят детей! Как трогательно в миг рождения они приглашают фей предназначения и вместе с ними преподносят новорожденному дары судьбы, благодати для души, которые остаются с человеком на всю жизнь, если он сумеет их разбудить и пользоваться ими во благо. Как трепетно ангел-хранитель общается с душой ребенка, пока ему не исполнилось семь лет, охраняя его ото всех опасностей. Как отвечает на его вопросы о смысле жизни, открывает волшебство Природы и его собственные сокровенные таланты, учит смотреть на весь мир глазами сердца, знакомит с волшебными персонажами, которых ребенок может увидеть и с которыми может играть. Но все это возможно, только если внимание ребенка еще не совсем поглощено материальными вещами и увлечениями, если его душа еще не очерствела, если она сохранила детскую непосредственность и любознательность, если его сердце сохранило чистоту и доброту. В те времена, когда дети, прежде чем заснуть, возносили самую молитву своему ангелу-хранителю, они, наверное, знали, что такое истинное счастье, радость и спокойствие. Знали лучше, чем сегодняшние дети, которые уходят спать после тупого сидения перед телевизором или за компьютером. И не знаешь, кого больше жалеть: ребенка с немым, глухим, слепым сердцем или его ангела-хранителя, который с болью безмолвно за ним наблюдает, потому что до такого сердца достучаться не может.

К сожалению, многие люди оказываются в таком состоянии после семи лет, когда из-за развития жесткой, конкретной и в наше время потребительской логики ума они теряют связь с собственным сердцем и со своим ангелом-хранителем. Он возвращается к нам только в момент нашей смерти, чтобы своим волшебным светом осветить другие, уже небесные дороги, наставить нас, как по ним идти, и показать красоту того звездного странствия, которое ждет нас впереди.

Сегодня я увидела Волхвов. Верные вековой традиции, они приходят в один и тот же день, появляясь на горизонте грез детей и взрослых, потому что их волшебство — для всех.

Детская невинность скорее распознаёт чудеса, ведь удивительное для детей — это сама жизнь. Вот почему они умеют наслаждаться самыми ничтожными мелочами: золотистым осенним листком, кусочком веревки, щепкой или осколком стекла, который переливается всеми цветами радуги в лучах солнца. С помощью магии Волхвов ребенок угадывает существование скрытых сокровищ — достоинства простодушных.

Но в какой-то день приходят взрослые — те, что накапливают в своем теле возраст и безжалостно и бестолково обрушивают его на свои души, отчего души старятся и перестают верить в лучшее. Взрослые доходчиво объясняют, что Волхвы — лишь тень воображения, нечто нереальное и невозможное, так как ни один из самых современных приборов еще ни разу не зарегистрировал ни их самих, ни их следов. В этот день взрослые убивают множество детей, и более того, они убивают и то милое дитя, что жило в тайнике их собственного сердца.

Но умирают не все дети, и каждый из оставшихся в живых разбрасывает новые семена и все так же чутко ожидает новых игр, новых радостей и тихих, таинственных шагов безмолвных волшебников, которые приходят из Таинства Звезд и, свершив свое дело, возвращаются обратно.

Но и не все взрослые стареют. Некоторые бережно хранят в глубине своей души убежище для собственного внутреннего «ребенка» — некоего первозданного доброго существа, способного мечтать о волшебниках, хотя и с поправкой на взрослые представления. Они продолжают верить в Волхвов, все знающих, способных все устроить одной лишь силой своего взгляда. И эти большие взрослые люди — хотя они никогда себе в этом не признаются — потихоньку продолжают просить у Волхвов любимые игрушки больших людей: немножко любви, чуть-чуть славы, благородную Идею, ради которой стоит жить, немного сердечного покоя

и чуточку больше света в мыслях, которые терзает множество загадок.

Именно поэтому многие взрослые, в душе которых еще живет ребенок, научились жить в особых замках, сооруженных из кирпичей грезы руками детей, ничего не знающих о кирпичках из обыкновенной глины. В эти замки Мечты каждый год приходят Волхвы с мешками, полными подарков - идеалов для больших и для маленьких. Но прежде всего они дарят надежду - невыразимую панацею, помогающую сносить тяготы обыденности и ожидать нового прихода Волхвов, чья магия никогда не умрет.

СЕГОДНЯ Я УВИДЕЛА ЗВЕЗДУ...

Деля Гусман

Я смотрела на нее иными звездами, теми, которыми Бог одарил людей, — звездами, мерцающими в моих глазах, — и между ними и небесной звездой возникла таинственная связь.

<...>

Я вспомнила, что с незапамятных времен существовала загадочная связь между звездами и судьбами людей, между звездами и всеми значительными событиями в жизни человека. Я поняла, почему с незапамятных времен люди искали в звездах отражение, следы и итоги своих собственных жизней. Некоторые звезды обретают новую жизнь, начиная светить с новой силой, другие, наоборот, тускнеют и медленно гаснут. Блаженство и боль, счастье и горе... В звездах также отражается вечное вращение колеса Времени. Увидев свою звезду, я всем сердцем пожелала, чтобы она стала самой яркой на небе и чтобы ее сияние было свидетельством того, что где-то свершилась еще одна победа, еще одно благое дело. Но порой она на несколько мгновений умеряла свой блеск, и казалось, что, вопреки моему внутреннему чувству, она может погаснуть навсегда.

<...>

Что такое рождающаяся звезда? Это луч, прокладывающий себе

дорогу в космосе. На наших глазах прежняя жизнь возрождается в новом свете и начинает вершить свою новую судьбу. Ей предстоит исполнить новую миссию и воодушевлять новых людей на земле, сопровождая их в Жизни, которая в конечном счете едина и для людей, и для звезд.

Так и происходит таинство причастия: сияет звезда судьбы, сияют глаза, что видят ее, и скрепляется магический договор, который останется в силе, пока живет и светит звезда. Пока от нее исходит сияние, будет и сила, вдохновляющая нас. Пока она мерцает на небе, будет теплиться жизнь и в человеческом сердце. Пока она проходит по небесным стезям, мы будем идти тропами земными.

А когда она исчезнет, когда свет ее скроется под покровом Безмолвия, наши глаза, привыкшие следовать за ней, в тот же миг закроются, чтобы искать ее в бесконечности миров и, найдя, вернуться вновь на путь Жизни, чтобы идти по нему вслед за своей вечной наставницей и новыми идеалами, показанными ею.

Сегодня я увидела звезду... Увижу ли я ее вновь?

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ (отрывок)

Экзюпери

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, когда есть друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень

рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня — и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же в тишине что-то светится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось — я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шел — и на рассвете дошел до колодца.

СТАРЫЙ ПОВАР

Константин Паустовский

В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик — бывший повар графини Тун. Собственно говоря, это был даже не дом, а ветхая сторожка, стоявшая в глубине сада. Сад был завален гнилыми ветками, сбитыми ветром. При каждом шаге ветки хрустели, и тогда начинал тихо ворчать в своей будке цепной пёс. Он тоже умирал, как и его хозяин, от старости и уже не мог лаять.

Несколько лет назад повар ослеп от жара печей. Управляющий графини поселил его с тех пор в сторожке и выдавал ему время от времени несколько флоринов.

Вместе с поваром жила его дочь Мария, девушка лет восемнадцати. Всё убранство сторожки составляли кровать, хромые скамейки, грубый стол, фаянсовая посуда, покрытая трещинами, и, наконец, клавесин — единственное богатство Марии.

Клавесин был такой старый, что струны его пели долго и тихо

в ответ в ответ на все возникавшие вокруг звуки. Повар, смеясь, называл клавесин «сторожем своего дома». Никто не мог войти в дом без того, чтобы клавесин не встретил его дрожащим, старческим гулом.

Когда Мария умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху, старик сказал:

— Я всегда не любил священников и монахов. Я не могу позвать исповедника, между тем мне нужно перед смертью очистить свою совесть.

— Что же делать? — испуганно спросила Мария.

— Выйди на улицу,— сказал старик,— и попроси первого встречного зайти в наш дом, чтобы исповедать умирающего. Тебе никто не откажет.

— Наша улица такая пустынная... — прошептала Мария, накинула платок и вышла.

Она пробежала через сад, с трудом открыла заржавленную калитку и остановилась. Улица была пуста. Ветер нёс по ней листья, а с тёмного неба падали холодные капли дождя.

Мария долго ждала и прислушивалась. Наконец ей показалось, что вдоль ограды идёт и напевает человек. Она сделала несколько шагов ему навстречу, столкнулась с ним и вскрикнула. Человек остановился и спросил:

— Кто здесь?

Мария схватила его за руку и дрожащим голосом передала просьбу отца.

— Хорошо,— сказал человек спокойно. — Хотя я не священник, но это всё равно. Пойдёмте.

Они вошли в дом. При свече Мария увидела худого маленького человека. Он сбросил на скамейку мокрый плащ. Он был одет с изяществом и простотой — огонь свечи поблескивал на его чёрном камзоле, хрустальных пуговицах и кружевном жабо.

Он был ещё очень молод, этот незнакомец. Совсем по-мальчишески он потрянул головой, поправил напудренный парик, быстро придвинул к кровати табурет, сел и, наклонившись, пристально и весело посмотрел в лицо умирающему.

— Говорите! — сказал он. — Может быть, властью, данной мне не от бога, а от искусства, которому я служу, я облегчу ваши последние

минуты и сниму тяжесть с вашей души.

— Я работал всю жизнь, пока не ослеп,— прошептал старик. — А кто работает, у того нет времени грешить. Когда заболела чахоткой моя жена — её звали Мартой — и лекарь прописал ей разные дорогие лекарства и приказал кормить её сливками и винными ягодами и поить горячим красным вином, я украл из сервиза графини Тун маленькое золотое блюдо, разбил его на куски и продал. И мне тяжело теперь вспоминать об этом и скрывать от дочери: я её научил не трогать ни пылинки с чужого стола.

— А кто-нибудь из слуг графини пострадал за это? — спросил незнакомец.

— Клянусь, сударь, никто, — ответил старик и заплакал. — Если бы я знал, что золото не поможет моей Марте, разве я мог бы украсть!

— Как вас зовут? — спросил незнакомец.

— Иоганн Мейер, сударь.

— Так вот, Иоганн Мейер, — сказал незнакомец и положил ладонь на слепые глаза старика, — вы невинны перед людьми. То, что вы совершили, не есть грех и не является кражей, а, наоборот, может быть зачтено вам как подвиг любви.

— Аминь! — прошептал старик.

— Аминь! — повторил незнакомец. — А теперь скажите мне вашу последнюю волю.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь позаботился о Марии.

— Я сделаю это. А еще чего вы хотите?

Тогда умирающий неожиданно улыбнулся и громко сказал:

— Я хотел бы ещё раз увидеть Марту такой, какой я встретил её в молодости. Увидеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной. Но это невозможно, сударь. Не сердитесь на меня за глупые слова. Болезнь, должно быть, совсем сбила меня с толку.

— Хорошо, — сказал незнакомец и встал. — Хорошо, — повторил он, подошел к клавесину и сел перед ним на табурет. — Хорошо! — громко сказал он в третий раз, и внезапно быстрый звон рассыпался по сторожке, как будто на пол бросили сотни хрустальных шариков.

— Слушайте, — сказал незнакомец. — Слушайте и смотрите.

Он заиграл. Мария вспоминала потом лицо незнакомца, когда первый клавиш прозвучал под его рукой. Необыкновенная бледность покрыла его лоб, а в потемневших глазах качался язычок свечи.

Клавесин пел полным голосом впервые за многие годы. Он наполнял своими звуками не только сторожку, но и весь сад. Старый пёс вылез из будки, сидел, склонив голову набок, и, насторожившись, тихонько помахивал хвостом. Начал идти мокрый снег, но пёс только потряхивал ушами.

— Я вижу, сударь! — сказал старик и приподнялся на кровати. — Я вижу день, когда я встретился с Мартой и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, — повторил он, прислушиваясь к журчанию струн.

Незнакомец играл, глядя в чёрное окно.

— А теперь, — спросил он, — вы видите что-нибудь?

Старик молчал, прислушиваясь.

— Неужели вы не видите, — быстро сказал незнакомец, не переставая играть, — что ночь из чёрной сделалась синей, а потом голубой, и тёплый свет уже падает откуда-то сверху, и на старых ветках ваших деревьев распускаются белые цветы. По-моему, это цветы яблони, хотя отсюда, из комнаты, они похожи на большие тюльпаны. Вы видите: первый луч упал на каменную ограду, нагрел её, и от неё поднимается пар. Это, должно быть, высыхает мох, наполненный растаявшим снегом. А небо делается всё выше, всё синее, всё великолепнее, и стаи птиц уже летят на север над нашей старой Веной.

— Я вижу всё это! — крикнул старик.

Тихо проскрипела педаль, и клавесин запел торжественно, как будто пел не он, а сотни ликующих голосов.

— Нет, сударь, — сказала Мария незнакомцу, — эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь.

— Да, — ответил незнакомец, — это яблони, но у них очень крупные лепестки.

— Открой окно, Мария, — попросил старик.

Мария открыла окно. Холодный воздух ворвался в комнату. Незнакомец играл очень тихо и медленно.

Старик упал на подушки, жадно дышал и шарил по одеялу руками. Мария бросилась к нему. Незнакомец перестал играть. Он сидел у клавесина не двигаясь, как будто заколдованный собственной музыкой.

Мария вскрикнула. Незнакомец встал и подошёл к кровати. Старик сказал, задыхаясь:

— Я видел всё так ясно, как много лет назад. Но я не хотел бы умереть и не узнать... имя. Имя!

— Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт, — ответил незнакомец.

Мария отступила от кровати и низко, почти касаясь коленом пола, склонилась перед великим музыкантом.

Когда она выпрямилась, старик был уже мёртв. Заря разгоралась за окнами, и в её свете стоял сад, засыпанный цветами мокрого снега.

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Андерсен

Как холодно было в этот вечер! Шел снег, и сумерки сгущались. А вечер был последний в году — канун Нового года. В эту холодную и темную пору по улицам брела маленькая нищая девочка с непокрытой головой и босая. Правда, из дому она вышла обутая, но много ли было проку в огромных старых туфлях? Туфли эти прежде носила ее мать - вот какие они были большие, — и девочка потеряла их сегодня, когда бросилась бежать через дорогу, испугавшись двух карет, которые мчались во весь опор. Одной туфли она так и не нашла, другую утащил какой-то мальчишка, заявив, что из нее выйдет отличная люлька для его будущих ребят.

Вот девочка и брела теперь босиком, и ножки ее покраснели и посинели от холода. В кармане ее старенького передника лежало несколько пачек серных спичек, и одну пачку она держала в руке. За весь этот день она не продала ни одной спички, и ей не подали ни гроша. Она брела голодная и продрогшая и так измучилась, бедняжка!

Снежинки садились на ее длинные белокурые локоны, красиво рассыпавшиеся по плечам, но она, право же, и не подозревала о том, что они красивы. Изю всех окон лился свет, на улице вкусно пахло жареным гусем - ведь был канун Нового года. Вот о чем она думала! Наконец девочка нашла уголок за выступом дома. Тут она села и съе-

жила, поджав под себя ножки. Но ей стало еще холоднее, а вернуться домой она не смела: ей ведь не удалось продать ни одной спички, она не выручила ни гроша, а она знала, что за это отец приберет ее; к тому же, думала она, дома тоже холодно; они живут на чердаке, где гуляет ветер, хотя самые большие щели в стенах и заткнуты соломой и тряпками.

Ручонки ее совсем заоченели. Ах, как бы их согрел огонек маленькой спички! Если бы только она посмела вытащить спичку, чиркнуть ею о стену и погреть пальцы! Девочка робко вытянула одну спичку и... чирк! Как спичка вспыхнула, как ярко она загорелась! Девочка прикрыла ее рукой, и спичка стала гореть ровным светлым пламенем, точно крохотная свечечка.

Удивительная свечка! Девочке почудилось, будто она сидит перед большой железной печью с блестящими медными шариками и за-слонками. Как славно пылает в ней огонь, каким теплом от него веет! Но что это? Девочка протянула ноги к огню, чтобы погреть их, — и вдруг... пламя погасло, печка исчезла, а в руке у девочки осталась обгорелая спичка.

Она чиркнула еще одной спичкой, спичка загорелась, засветилась, и когда ее отблеск упал на стену, стена стала прозрачной, как кисея. Девочка увидела перед собой комнату, а в пей стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный дорогим фарфором; на столе, распространяя чудесный аромат, стояло блюдо с жареным гусем, начиненным черносливом и яблоками! И всего чудеснее было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола и, как был, с вилкой и ножом в спине, вперевалку заковылял по полу. Он шел прямо к бедной девочке, но... спичка погасла, и перед бедняжкой снова встала непроницаемая, холодная, сырая стена.

Девочка зажгла еще одну спичку. Теперь она сидела перед роскошной рождественской елкой. Эта елка была гораздо выше и наряднее той, которую девочка увидела в сочельник, подойдя к дому одного богатого купца и заглянув в окно. Тысячи свечей горели на ее зеленых ветках, а разноцветные картинки, какими украшают витрины магазинов, смотрели на девочку. Малютка протянула к ним руки, но... спичка погасла. Огоньки стали уходить все выше и выше и вскоре превратились в ясные звездочки. Одна из них покатила по небу, оставив за собой длинный огненный след.

«Кто-то умер», — подумала девочка, потому что ее недавно умершая старая бабушка, которая одна во всем мире любила ее, не раз говорила ей: «Когда падет звездочка, чья-то душа отлетает к богу».

Девочка снова чиркнула о стену спичкой и, когда все вокруг осветилось, увидела в этом сиянии свою старенькую бабушку, такую тихую и просветленную, такую добрую и ласковую.

— Бабушка, — воскликнула девочка, — возьми, возьми меня к себе! Я знаю, что ты уйдешь, когда погаснет спичка, исчезнешь, как теплая печка, как вкусный жареный гусь и чудесная большая елка!

И она торопливо чиркнула всеми спичками, оставшимися в пачке, — вот как ей хотелось удержать бабушку! И спички вспыхнули так ослепительно, что стало светлее, чем днем. Бабушка при жизни никогда не была такой красивой, такой величавой. Она взяла девочку на руки, и, озаренные светом и радостью, обе они вознеслись высоко-высоко — туда, где нет ни голода, ни холода, ни страха, — они вознеслись к богу.

Морозным утром за выступом дома нашли девочку: на щеках ее играл румянец, на губах — улыбка, но она была мертва; она замерзла в последний вечер старого года. Новогоднее солнце осветило мертвое тельце девочки со спичками; она сожгла почти целую пачку. — Девочка хотела погреться, — говорили люди. И никто не знал, какие чудеса она видела, среди какой красоты они вместе с бабушкой встретили Новогоднее Счастье.

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ

Леонид Енгибаров

Это случилось в ночь с 21 на 22 декабря. Ночь была длинная-предлинная. Она стала казаться бесконечной. По городу поползла сплетня, страшнее самой ночи. Ее Гадкое Ползучество Сплетня: «Ночь не кончится... ночь не кончится... ночь никогда не кончится...»

Устало мигали фонари, потрескивали и горбились языки огней. Электричество было на исходе. А кому же тогда светить и гореть, а

значит, и сопротивляться...

Был отдан приказ: собраться всем на главном стадионе и обсудить создавшееся положение.

Всем, Всем, Всем... замигало на стадионе световое табло, передавая приказ, и эта весть треском электрических разрядов молниеносно распространилась по городу.

Первыми на стадион прибыли уличные фонари, покачивая головами-лампами, старые и современные с так называемым дневным светом, которого они, кстати, сами стыдились и между собой называли покойническим. За ними прискакали модницы — настольные лампы в разноцветных мини-абажурах. Притащились с киностудии огромные «диги», целыми семьями, со своими «бабками» и «бебиками», они трещали и шипели остатками графитных углей, волоча за собой толстые кабели, без которых они никогда и нигде не появлялись. Примчались на стадион автомобильные фары, тараща свои глаза.

А приглашенные все прибывали и прибывали, стадион сверкал и переливался тысячью огней. Кого здесь только не было!

Около главной трибуны примостился маяк, огромный, апоплексически красный от натуги, ведь пришлось тащить с собой на стадион и старуху-башню. С ним рядом — его брат, тоже маяк. С детства его мучила наследственная болезнь маяков — мигание.

Коптила небо неумытая керосиновая лампа, дочь известной в городе керосинки, — ее еще с вечера накачали, — убеждала всех, что она, мол, никогда не изменяла своему примусу, и, мол, взорвался он совсем не поэтому. Карманный фонарик носился по всему полю, путаясь между основаниями и треногами, пока его батарейка не села, и тогда он угомонился. Стеариновая свеча примостилась около военного прожектора, она таяла от любви, обливаясь стеариновыми слезами, а он тупо уставился в небо и молчал: не переносил женских слез. Засиженная мухами шестисвечовая лампочка ругалась на чем свет стоит. Два светофора безуспешно пытались навести порядок, а новые все прибывали и прибывали, не было только вечного огня, но на него никто не обижался, все понимали — он на вечном посту.

Говорили и кричали одновременно, ораторы уже осипли, каждый жаловался на свою беду, кто — на перекаливание волосков, у кого лопнули стекла, уже троих отнесли в медпункт с коротким замыканием.

Только квадратные темно-красные огни из кинотеатров с надпи-

сями «вход» и «выход» молчали. Они у себя на работе такого насмотрелись, что их уже ничем нельзя было удивить.

И вдруг в разгар всеобщего волнения на световом табло стадиона вспыхнули первые лучи Солнца! Все стихли.

Медленно после тяжелой борьбы всходило Солнце. Старое доброе Солнце, дружившее еще с Маяковским. Оно не стонало и не паниковало, оно боролось. И победило. И сейчас оно грустно улыбалось, распрямляя свои лучи. И всем стало немного стыдно за свое малодушие. Все стали гаснуть и расходиться со стадиона, давая себе слово всегда бороться до конца.

СВЕТ ВО ТЬМЕ. СИМВОЛИКА СВЕЧИ

Анна Кривошеина

Странствия и паломничества, входы в лабиринты и храмы, обряды, праздники и гадания были немыслимы без свечи. Свеча — вечный спутник человека на дороге жизни. Она свет во тьме. Озарение. Живительная сила. Надежда. Символ человеческой души, ее внутренней силы: одной маленькой свечи достаточно, чтобы разомкнулась тьма, — и ее стойкости и вертикальности: пламя свечи, как бы ее ни поворачивали, всегда устремлено к небу.

Она освещала любой путь, любой переход — и физический, и нефизический. Тропинка, выложенная горящими свечами, была символом пути, на котором человек не одинок: идущие впереди оставляли зажженные огоньки тем, кто идет следом, — вел ли этот путь через лес, через историю или через жизнь. В погребальных традициях свечи были символом света «мира предстоящего», возрождения на ином плане бытия.

В христианской традиции свеча — божественный свет, сияющий в мире, свидетельство причастности человека к Божественному. Чистота воска означала чистоту человека, мягкость — его способность слушать волю Бога. Три совмещенные свечи — Святая Троица, триединство мира.

В еврейской традиции семирожковый подсвечник — менора — имеет очень многогранную символику. Например, ствол свечи мог означать Дерево или Ось мира. Семь веточек подсвечника — это Солнце, Луна и планеты, семь дней недели, семь звезд Большой Медведицы, семь кругов или сил мира. В каббале три свечи означают Мудрость, Силу и Красоту.

Средневековые тайные общества использовали изображение свечи как символ великого Знания: человек может быть счастлив, только когда с его глаз спадет пелена, мешающая видеть истинный свет, а сердце освободится от пут рабства. Так, символом итальянских вальденсианцев (катаров) была горящая свеча на подсвечнике, увенчанном семью звездами, под изображением которой помещалась фраза *Lux lucet in tenebris* — «И свет во тьме светит». Символом света, незримо сияющего во тьме, являлась геральдическая лилия *Fleur de Lus* — «Цветок Света», расцветающий и разрастающийся во все стороны. Свеча также и человек, несущий свет. В этом случае рядом с ее изображением можно было увидеть девизы, например: «Я трачу себя, служа другим».

Символ бескорыстного служения, справедливости, милосердия, свеча также, например, в рыцарских легендах была знаком верно выбранного пути Поиска истины, поскольку всегда существовала опасность ложного. Вспомним слова Короля Артура:

Плохой я был пророк, когда сказал
Тем, кто уходил в поход священный,
Что большинство из них
за блуждающими огнями
Последуют и затеряются в болоте?

Умение отличать свет от блеска было даром скромности — еще одного символического значения свечи.

Без свечей невозможно представить праздник Рождества и Нового года. Ноябрь и декабрь — это время, когда тьма набирает максимальную силу, а Солнце готовится к великой битве за свет. Не случайно на смену осенним, женским, праздникам приходят праздники мужские, рыцарские, воинские: на Руси — Дмитриев день, Михайлов день, день Георгия Победоносца, Николы зимнего, в Европе — день святого Мартина, святого Томаса, святого Сильвестра. Зажигая свои свечи на эти праздники, люди присоединялись к небесному воинству.

В Германии в течение Адвента (четырёхнедельного периода до Рождества) в полдень хозяин дома зажигал свечи — каждый день на одну больше, чем в предыдущий. А по улицам ходили дети с фонариками в руках и пели о том, что свет их огней разгоняет тьму на земле, так же как свет звезд разгоняет тьму на небе:

Там, наверху, светят звезды,

А внизу, на земле, светим мы.

В предрождественские дни вспоминали легенду о трех святых королях-волхвах, и люди оставляли ночью на окошках горящие свечи, чтобы не сбились с пути в темноте все идущие за своей звездой в те мгновения, когда ее закрывали тучи.

А на сам Новый год тушили старые огни — и от нового, чистого, сильного пламени зажигали все очаги, свечи и факелы. С тех пор зажжение свечи — символ возрождения, возобновления, новой жизни. В Новый год люди пристально вглядывались в небо и верили, что смогут жить в менее загрязненном мире, быть сильнее и красивее, чем были до сих пор. Не случайно елочку всегда венчала рождественская звезда или комета — вестница Неба, залог того, что узы, связывающие человека и звезды, никогда не порвутся. И в конце праздника обязательно зажигались свечи на елке — земной огонь подхватывал звездный свет, возрождая утраченное единство.

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Анна Кривошеина

«Наконец раздался высокий серебряный звон колокола, и дверь распахнулась, впуская детей в Рождество. Они остановились на пороге, застыв от удивления. Комната купалась в золотом свете сотен свечей. У стены, горделиво поднимаясь до потолка, стояла рождественская ёлка. Тонкие свечи мерцали на ней, будто зелёные ветви заманили все звёзды зимы, чтобы осветить плоды лета, висевшие среди хвои: серебряные и золотые яблоки, бутоны засахаренного миндаля, марципановые цветы, позолоченные орехи и ягоды...» (Гофман «Щелкун-

чик»). Не правда ли, когда вдоме появляется ёлка и запах хвои наполняет комнату, всё вокруг меняется: в душе вновь рождается детское ощущение тайны и ожидания чего-то необыкновенного и чудесного.

Во все времена дни зимнего солнцестояния были великим праздником открытия дверей между Небом и землёй— в это время Сокровенное могло прийти в гости к человеку. Сохранившиеся предания говорят, что в полночь накануне Рождества открываются небесные врата и пресветлый рай становится зримым: «в райских садах на деревьях распускаются цветы и наливаются золотые яблоки; из райских пределов Солнце рассылает на одетую пеленой землю свои щедрые дары, и хрустальный звон небес слышен на всей земле».

В эти дни на землю опускались семена мечтаний и идей, которые предстояло осуществить в следующем году. И фрукты, ягоды, орехи, которыми украшали новогоднюю ёлку, становились символическим выражением мечты о будущих плодах. Плодами этими были не только конкретные вещи: мечтали о любви, дружбе, умении творить и всех тех качествах, которые хотели приобрести.

Встарину был такой обычай: на листках бумаги писали достоинства, которые считали особенно ценными, и выбирали из них наугад те двенадцать, что должны были помочь мечтам воплотиться. Для каждого достоинства придумывали символическое изображение, которое рисовали или вылепливали,— именно так и создавались украшения на ёлку.

Наряжали её несколько дней. Сначала пытались проявить каждое достоинство, сделать к нему навстречу хотя бы маленький символический шаг. Если это удавалось, на ёлку вешали соответствующее украшение.

Например, если человек мечтал получить дар любви, он пытался до Нового года преодолеть хотя бы одно препятствие, которое мешало ему обладать этим даром. В новогодние дни не забывали сказать близким слова нежности, доброты, а влюблённые делали друг другу подарки и делили их на две части, чтобы носить с собой весь год свою половинку. И на ёлку вешали изображения белых лебедей, ракушки— атрибутов богини любви. Символом дара милосердия и доброты служили колосья пшеницы— «золотые плоды» умения отдать самое дорогое. Мужество, отвага искусство побеждать заслуживалось символической победой в каком-то одном маленьком деле, победой

над самим собой. И на ёлку вешали изображения меча или богини победы.

Такие украшения называли «упавшими звёздами». Считалось, что они падают из бесконечного звёздного мира и поселяются в душах людей.

Ёлка была целым миром, целой вселенной, она представляла всё то, что должно было вдохновлять людей в следующем году. Наряжали её снизу вверх, а на вершине всегда горела звезда— символ вестника Неба.

В эти дни зажигали свечи и обязательно ставили их на ёлку. Ведь без огня, зажжённого внизу, в темноте, звёзды не будут знать, куда им приходиться. Земной огонь на ёлке подхватывал свет звёзд и сам становился звёздным. В Новый год, в двенадцать часов ночи, когда время замирало, говорили: «Ёлочка, зажгись!»— и все пожелания, всё то, что рисовали и вешали на ёлку, на одно мгновение становилось уже не надеждой, а реальностью. И если человек жил этим мгновением, звёзды переселялись в его душу и в его глаза. Рассказывают, что после зимнего солнцестояния можно встретить людей со звёздами в глазах, несущих в себе благословение Неба.

Всё это очень древние обряды. Но мы до сих пор верим, что если что-нибудь сильно-сильно пожелать, пока бьют новогодние куранты, то желание обязательно исполнится. Легенды говорят: мы сами вызываем свою судьбу. Может, правда попробовать?

ДУХ САНТА-КЛАУСА НЕ НОСИТ КРАСНОГО КОСТЮМА

из книги «Бальзам для души»

Я ссутулилась на пассажирском сиденье нашего старого «понтика», потому что в четвертом классе сидеть так — высший шик. Папа ехал в центр города за покупками, а я поехала за компанию. По крайней мере я так ему сказала, но на самом деле мне нужно было задать ему важный вопрос, который мучил меня уже несколько недель, и я впервые оказалась с отцом наедине.

— Пап... — начала я и умолкла.

— Да?

— Некоторые ребята в школе кое-что говорят, а я не знаю, правда ли это. — Я почувствовала, как у меня задрожала нижняя губа, как в уголке правого глаза стали собираться слезы — этот глаз всегда начал плакать первым.

— В чем дело, зайчонок?

Я поняла, что он в хорошем настроении, потому что назвал меня этим ласковым прозвищем.

— Дети говорят, что Санта-Клауса нет. — Судорожное сглатывание. По щеке покатилась слеза.

— Они говорят, что я дурочка, раз до сих пор верю в Санта-Клауса... это только для малышей. — Слезы начали собираться и в левом глазу. — Но я верю тому, что ты мне говорил. Что Санта настоящий. Правда ведь, папа?

Взглянув на меня, отец свернул на обочину и остановил машину. Выключив мотор, он придвинулся ближе ко мне, к своей все еще маленькой дочери, сжавшейся в комочек. — Дети в школе ошибаются, Пэтти. Санта-Клаус настоящий.

— Я так и знала! — вздохнула я с облегчением. — Но я должен рассказать тебе о Санта-Клаусе кое-что еще. Думаю, ты уже достаточно большая, чтобы понять. Ты готова?

Глаза у моего отца светились теплом, выражение лица было мягким. Я поняла, что узнаю сейчас что-то очень важное, и была к этому готова, потому что полностью ему доверяла. Он никогда меня не обманывал.

— Давным-давно жил один человек, который действительно путешествовал по миру и дарил хорошим детям подарки везде, где бывал. В разных странах у него разные имена, но чувства в его сердце везде одинаковые, на каком бы языке он ни говорил. В Америке мы называем его Санта-Клаус. Он дух бескорыстной любви и желания разделить эту любовь с помощью подарков, которые он дарит от всего сердца. Когда ты доживешь до определенного возраста, ты поймешь, что Санта-Клаус — это не парень, который вылезает из твоего камина в рождественский сочельник. Настоящий дух волшебного существа всегда живет в твоем сердце, в моем, в мамином и в сердцах и умах всех людей, которые получают радость, даря другим подарки. И настоящим

духом Санта-Клауса становится желание, скорее, дать, чем получить. И как только ты это поймешь и это станет частью тебя, Рождество превращается в еще более волнующий и волшебный праздник, потому что ты осознаешь, что, когда Санта живет в твоём сердце, волшебство исходит от тебя. Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать?

Я старательно смотрела в окно перед собой, на дерево перед машиной. Я боялась посмотреть на своего отца — на человека, который всю жизнь говорил мне, что Санта настоящий. Я хотела верить, как верила в прошлом году, что Санта — это большой толстый дух в красном костюме. Я не хотела глотать взрослую пилюлю и видеть все в ином свете.

— Пэтти, посмотри на меня.

Отец ждал. Я повернулась к нему. В его глазах стояли слезы, слезы радости. Его лицо сияло неземным светом, и я увидела в его глазах глаза Санта-Клауса. Настоящего. Того, который находил время, чтобы подобрать для меня особые подарки, которые мне хотелось получить на Рождество, с тех пор как я живу на этом свете. Санта-Клауса, который съедал мои тщательно украшенные печенья и выпивал теплое молоко. Который, вероятно, съедал морковку, которую я оставляла Рудольфу. Санты, который, несмотря на слабые познания в технике, смастерил велосипед, фургончик и другие незатейливые вещицы за недолгие часы рождественского утра. Я поняла. Я поняла ту радость, которую доставляют любовь и взаимность. Папа прижал меня к себе и долго держал, не отпуская. И мы оба плакали.

— Теперь ты принадлежишь к особой группе людей, — продолжал он. — Отныне ты будешь испытывать радость Рождества круглый год, а не только в этот день. Отныне Санта живет в твоём сердце так же, как и в моем. И ты отвечаешь за то, чтобы дарить от имени Санта-Клауса, который живет в тебе. Это одна из самых важных вещей, которые могут случиться с тобой за всю жизнь, потому что теперь ты знаешь, что Санта-Клаус не может существовать без людей, таких, как ты и я. Как думаешь, ты с этим справишься?

Мое сердце наполнилось гордостью, а глаза наверняка горели от возбуждения.

— Конечно, папа. Я хочу, чтобы он жил в моем сердце, как живет в твоём. Я люблю тебя, папа.

Ты самый лучший Санта в мире. Когда наступит моя очередь объ-

яснять своим детям реальность Санта-Клауса, я молюсь духу Рождества, чтобы оказаться такой же красноречивой и любящей, как мой отец в тот день, когда я узнала, что дух Санта-Клауса не носит красного костюма. Я и надеюсь, что в этот день они точно так же воспримут мои слова. Я полностью им доверяю и думаю, что они поймут меня.

ПОДАРОК

Иван Ильин

Как легко ее развезать, хрупкую душу подарка! Какой безжизненной, какой пустой покажется нам тогда подаренная вещь! Как неосторожно, как «беспонятливо вел себя дарящий! Как неуютно становится получающему подарок! Дарить — это искусство; и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке. Чего хочет дарящий? Он стучится в дверь, можно ли войти. Он стучится в дверь любви. Потому что хочет сказать что-то о любви. Возможно, спросить, можно ли ему любить. Возможно, сообщить, что он уже любит; или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви; или ответить любовью на любовь. Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка; и его поступок покажется неестественным и плоским. Почему? Потому что духовный аромат жизни не выносит холодного неискреннего сердца.

А получающий подарок, каково ему? Ему ведь нельзя отказаться от подарка, это было бы оскорблением. Однако иногда все же приходится это делать: бывают ложные подарки, которыми хотят подкупить или скомпрометировать; бывают высокомерные подарки, которые выступают символом завоевания и власти; бывают подарки оскорбительные, унижающие, вызывающие («ты — мой»). Кто принимает эти дары, приносимые с недобрыми намерениями, тот лицемерит с самим собою, тот наносит урон собственному достоинству и участвует в фальшивом замысле злого дарителя. Иногда дарят, чтобы показать, что любви конец или чтобы не любили: последняя обида исчезнувшей любви, которую только и можно принять как обиду, не как подарок.

Не безразлично и то, кто, что и кому дарит. Если хочешь подарить «наверняка», то твой подарок должен верно выразить твою любовь. Что ты любишь в любимом? Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье? Каким ты любишь его более всего — когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?.. Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов? Спросить его? Помочь ему? Отучить от чего-то? Утешить? Ободрить? Связать? Освободить? Твой подарок должен сам говорить за тебя. Он должен принять в себя твою тайну и незаметно раскрыть ее.

И что бы это ни было, пусть это станет символом живой любви! Поэтому подарки делают к Рождеству, в день, когда в мир пришла живая любовь.

